

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Николая ДАМДИНОВА

Нелегкую дорогу выбрал я себе,

Сам понимаю: работа трудна.

Каждая победа достается в борьбе,

А цель — вершина — высока она!

БАРГУЗИН —

ИСТОК ВДОХНОВЕНИЯ

В ОДНОМ из популярных журналов недавно была напечатана цветная фотография, сделанная в космосе: узкая лента Селенги, извинаясь, широким шлейфом впадает в застывшую синеву чащ Байкала, постепенно теряя свои очертания, растворяясь в бездонной глубине «священного моря». И вспомнил я об этом снимке, перечитывая книги известного бурятского поэта, лауреата Государственной премии РСФСР Николая Дамдинова. В них та же глубина, которая вобрала в себя тридцатилетний творческий опыт автора, годы исканий, сложный путь к вершинам мастерства. Вот как пишет об этом сам поэт:

Снупее и обдуманий слова,

И в наименее жесте — точное значение.

Ты — как река, что, побурлив сперва,

Выносит к устью плавное теченье.

(Перевод Вл. ЛИПАТОВА)

Такая плавность, если продолжить мысль автора, не подразумевает склонности, обтекаемости. Медленное течение передвигает в своей глубине целые пласти пород. Так и характер поэта: за внешним спокойствием и бесстрастностью угадываются черты сильной, волевой натуры, целе направленно идущей однажды избранным путем. Как раз эта особенность поэзии Николая Дамдинова и привлекла к нему внимание крупнейших художников старшего поколения, чье участие в его творческой судьбе было значительным. Среди них Александр Твардовский и Леонид Соболев, Ярослав Смелков и Сергей Орлов, Юрий Бондарев и Михаил Алексеев. Как-то само собой, но по праву имя бурятского поэта стало упоминаться в ряду поэтов фронтового поколения. Раньше критиков распознали в нем учителя и товарищи родственныи себе черты миросприятия, духовного осмысливания времени, хотя, родившись в 1932 году, Николай Дамдинов в своем мальчишестве, прошедшем в долине Баргузина, не мог испытать и сотой доли того, что пережили старшие. Не долетал сюда, в глубинные сибирские просторы, едкий запах пожарищ, не слышались здесь даже дальним эхом глухие взрывы, не горела земля под ногами. Но горькая сиротская ложка юношеских лет не миновала и его детство:

Кто знает горе, ценит радость тот.

Так мы росли, росли за годом год,

Мы знали цену и рублю, и трешке,

В труде, в заботах наш характер креп.

И со стола мы не сметали икрошки —

Ведь знали мы, как достается хлеб.

(Перевод Евг. ЕВГУШЕНКО)

Безотвощина. Гибель старого брата... Но, пройдя через

горнило испытаний, закалился характер парнишки из улуса Угнааса. Он выдюжил, чтобы перешагнуть сумрачные склоны Северной горы, хранившие неизведанные тайны, чтобы разгадать и высветить их светом поэзии. «Никогда не буду», — рассказывает поэт, — моя мать, простая неграмотная женщина, когда я прочитал ей свои первые стихи, удивилась: «Сынок, откуда у тебя эти слова?» К тому времени он уже закончил школу, впереди были Москва, Литературный институт. Здесь, в доме на Тверском бульваре, за тысячи километров от родных мест, в удивительно быстрые сроки и сложилась оригинальная поэтка Николая Дамдинова, окреп ее голос. И первым, кто всерьез поддержал его в те годы, оказал практическую помощь, был А. Т. Твардовский.

Встречу студента Литературного института с автором знаменитого «Василия Теркина» все, кто писал о Н. Дамдинове, считали лишь эпизодом его творческой биографии. Но она имела, думается, определяющее значение для дальнейшей судьбы бурятского поэта. Выслушав в студенческой аудитории чтение автором подстрочного перевода лирико-философской поэмы «Песнь степей», Твардовский сказал: «Обрадовали меня стихи вящего бурятского поэта. Пишет смело, размашисто. Хорошо, что он вот так размышил о жизни...». «Смущенный неожиданной похвалой... — вспоминает Николай Дамдинов, — я сидел, не смея шевелиться. Возможно, со стороны я выглядел, как истукан, но в душе происходила в это время буря, все существо мое ликовало!» Твардовский на слух определил главное, чем и в дальнейшем определялось творчество Николая Дамдинова, — смелость формы, новизна содержания, острота мысли, отмечавшая все постороннее, второстепенное, широкий и уверенный жест. Твардовский еще не знал тогда, что в родной поэзии Дамдинов шел еще дальше, развивая вслед за первыми опытами своих предшественников новую поэтику, укореняя реформу бурятского стихосложения.

Действительно, в свою родную поэзию Николай Дамдинов вошел как новатор и реформатор стиха. Здесь нужно учесть и тот факт, что расцвет его дарования пришелся на годы, в которые по-новому, свежо стали раскрываться традиции Маяковского.

Опыт советской поэзии, традиции 50-х годов помогли Николаю Дамдинову избежать крайностей в обращении с фольклором. Вне всякого сомнения, изустное народное творчество оказывало и будет оказывать воздействие на наши молодые литературы, придавая им черты самобытности, истинной народности, углубляя реалистический метод познания. Но все дело в том, как, не поддаваясь безликуму стилизаторству, не уходя с головой в прошлое, соединить традиции устного творчества с осмысливанием современного бытия родного народа, как понять не букву, а дух фольклора.

Н. Дамдинов и здесь проявил талант художника, тот особый тон, который требуетя, когда поэт обращается к истокам национального миросприятия. На фольклорном материале им написаны несколько вещей. Среди них особой глубиной выделяется поэма «Возвращение батыра». Сказ о национальном герое Шилдэе Занги повествует не столько о его подвигах, сколько о неистребимом чувстве любви к родной земле, о братстве двух народов — русского и бурятского, скрепленном кровью их лучших сыновей.

(Исторический материал разобрано по плодотворный ве-

дет в последние годы) позво-

ляет Н. Дамдинову проявлять

разные стороны своего творчес-

ия: здесь и «Кольца декабристов», и исто-

рическая драма о первом бурятском ученике «Доржи Банзак», и лирический

и современниками, и «Бай-Ма», и «Бурятского участника», и «Бурятского Государства», написанный с использованием

мотивов и приемов фольклора, и небольшие критико-искусст-

воведческие статьи о Николае

Рерихе, о монгольской поэзии...

Но определяющими творческими установками и поэтическим почерком Н. Дамдинова стали две «Песни степей» и первый в бурятской поэзии венок сонетов «Звездный путь». Написанные в разные годы, эти произведения стали своеобразными метами на его творческом пути: от первой книги на родном языке «Баргузин» (1955 г.) до недавно вышедшего в издательстве «Советская Россия» двухтомника «Избранных произведений». Это те стихи и поэмы, в которых «философское раздумье отлично сочетается с яркой эмоциональностью».

Написанная под стук железнных колес, которые увозили молодого поэта из Улан-Удэ в Москву, первая «Песнь степей» дышала романтической приподнятыостью, взволнованностью от расставания с родными местами и от ожидаемых интересных встреч в столице. Перед читателем разворачиваются лирико-философские картины, описывающие вступление в жизнь молодого героя:

Песней я начал свой путь, и песне его заверши.

Губы раскрою, и там, где при мне небеса

голубели,

Песня сольется с дыханием звезд

и на землю вернется жить,

Чтоб лунной ночью

вдруг зазвенеть у чьей-нибудь колыбели.

(Перевод Ю. ЛЕВИТАНСКОГО)

Через двадцать с лишним лет Н. Дамдинов почувствовал необходимость вернуться к истокам своего творчества, продолжить «Песнь степей», как бы оглядываясь на жизнь с высоты прожитых лет. Но все так же устремлен лирический герой поэмы навстречу жизни, ее свету, так же распахнута его душа радостям и тревогам мира, однако к ним прибавляются иные чувства, новые заботы волняют поэта:

Я шагаю, и сладок мне воздух степной,

Только ныне заметней в нем горечь полыни.

И понятней исход — пламенеть сединой,

Властно чувствовать годы в мельчайшей морщине.

(Перевод Вл. ЛИПАТОВА)

Расширился и горизонт повествования: он вбирает в себя не только родные степи, но и всю планету с ее тревогами, заботами и свершениями. Большой психологической разработанностью, полноголосием определяется и характер лирического сказа: ведь герой поэмы познал за эти годы радость любви, цену настоящей дружбы, осознал бесплодность никчемных споров и верность избранного пути.

К этой поэтической дилогии вплотную примыкает и последняя по времени создания крупная работа Н. Дамдинова — венок сонетов «Звездный путь». Здесь он размышиляет о вечности природы, куда вписана история родного народа, частицей которого является и сам автор. «Поэт земли — всегда певец восхода» — строка, ставшая как бы девизом «Звездного пути», а шире — и всего творчества бурятского поэта.

Наполненные радостью познания, светлой печалью прожитых лет, открыты всем ветрам и бурям веца, произведения Н. Дамдинова выдвинули его имя в ряд с именами крупнейших поэтов нашей страны, которые вносят достойный вклад в общую сокровищницу советской литературы. Вспоминаются его же слова: «В зрелый период деятельности человека всецело проходит под знаком творческой отдачи». Тому способствует и большая общественная работа поэта как депутата Верховного Совета СССР, секретаря правления Союза писателей РСФСР, председателя правления Союза писателей Бурятии. «Монтерами пути» называли на профессиональном языке тех, кто прокладывает стальные колеи БАМа, кто отсыпывает трудные километры трассы. «Монтеры пути» идут впереди всех, ставят меть на той дороге, по которой поидут приезжие поэты с юными судьбами первопроходцев...

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

Фото Н. КОЧНЕВА